

УДК 81'373.232.4

UDC 81'373.232.4

**ИСКОННАЯ И ЗАИМСТВОВАННАЯ
ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ
ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА
ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА**

Федорова Елена Петровна
ассистент
*Северо-Восточный федеральный университет им.
М.К.Аммосова, Якутск, Россия*

В статье представлены результаты исследования исконной и заимствованной лексики в системе элементарных терминов родства и свойства. Выявлена принадлежность подавляющего большинства терминов исследуемого пласта к исконно тюркским лексическим единицам с заметным лексико-семантическим и фонетическим отклонением от исходной формы, а также выделен слой собственно якутских образований. Кроме того, якутский язык вобрал в себя некоторое количество иноязычных терминов, которые не могли не повлиять на развитие терминов родства и свойства исследуемого языка

Ключевые слова: ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА, ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК, ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА, ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СЛОЙ СОБСТВЕННО ЯКУТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ, МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ, ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ, ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

**PRIMORDIAL AND BORROWED LEXICON IN
THE SYSTEM OF ELEMENTARY TERMS OF
RELATIONSHIP OF THE YAKUT LANGUAGE**

Fedorova Elena Petrovna
assistant
*North-eastern federal university after M.K.Ammosov,
Yakutsk, Russia*

The article presents the results of the research of primordial and borrowed lexicon in the system of elementary relationship terms. The results of the research show that the overwhelming majority of terms belong to the primordially Turkic lexical units, but with noticeable lexical, semantic and phonetic deviation from the initial forms. Also our research founded the existence of terms of Yakut origin. During its historical development the Yakut language has absorbed some foreign-language terms which surely influenced to the development of Yakut terms of relationship

Keywords: RELATIONSHIP TERMS, YAKUT LANGUAGE, PRIMORDIAL LEXICON, TURKIC LEXICAL UNITS, TERMS OF YAKUT ORIGIN, MONGOLIAN BORROWINGS, BORROWINGS FROM THE TUNGUS AND MANCHURIAN LANGUAGES, BORROWINGS FROM RUSSIAN LANGUAGE

Современный якутский язык относится к числу тюркских языков, что подтверждается его грамматическим строем и составом преобладающей части основного словарного фонда. С другой стороны, как пишут исследователи, якутский язык стоит более обособленно от всех тюркских языков, в силу того, что фонетический облик многих общетюркских слов достаточно сильно изменен, система грамматической формы отклонена [4, 5]. Пребывая в многовековом изолированном развитии от других тюркских языков, якутский язык вступал в длительный контакт с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими племенами [7, 11].

Таким образом, совокупность лингвистических, фольклорных и археологических данных показывают, что в сложении этнической и

культурной общности якутов сыграло заметную роль тюркское ядро, влияние монгольских элементов, субстратные элементы южносибирского антропологического типа и «байкальский» субстрат, представленный тунгусоязычными элементами.

«Саха дьоно» – якутский народ – к приходу русских на нынешнюю территорию Якутии, представлял постплеменную народность, возникшую в условиях раннеклассового общества непосредственно на базе родоплеменных отношений, поэтому завершение этногенеза и основ традиционной культуры народов произошло в пределах XVI века [3, 126].

Термины родства и свойства якутов, будучи надстроечным явлением, были менее подвержены эволюционному развитию и, как таковой, несут в себе информацию об исторических корнях и об историческом прошлом предков якутского этноса. Актуальность статьи обусловлена тем, что данная лексико-семантическая группа была мало изучена в якутоведении, и анализ ее способен дать ценные не только лингвистические, но и историко-этнографические знания.

подавляющее большинство элементарных терминов родства и свойства якутского языка составляют исконно тюркские лексические единицы с заметным семантико-фонетическим отклонением. Это обусловлено тем историческим фактом, что якутский язык прошел относительно обособленный путь развития по сравнению с другими тюркскими языками. Такое явление в системе терминов родства также подтверждает положение якутоведов о том, что предки носителей якутского языка отделились от других тюркских народов в числе первых [2; 3; 5], и потому этот язык сохраняет архаичные черты древних тюркских языков. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся исходные значения общетюркских терминов которые нетипичны в других тюркских языках:

- якутский термин *эбэ* толкуется как 'бабушка'. Во многих тюркских языках фонетический вариант *ебе* в значении 'бабушка' является

периферийным, мало употребительным, и является исходным для значения 'повивальная бабка', в котором имеет активное применение [6, 926]. Якутский вариант *эбэ* сохранил более древнее значение;

- термин *кылын* представлен почти во всех тюркских языках в фонетическом варианте *кайын*, и является обобщенным термином родства по браку. В якутском варианте *кылын* обозначает без конкретизирующего его значение слова, в первую очередь, родственников жены. Как пишет Л.А. Покровская, общетюркский *кайын* прежде мог обозначать только родню жены, и лишь с течением времени его семантика расширилась, и он стал «двусторонним» термином родства по браку [8, 69]. В терминологии родства якутского языка наблюдается историческое преобразование термина *кылын* от родства жены до родства мужа, но в данном случае видно, что он не получил сильного развития. В источниках зафиксировано лишь четыре термина родства со стороны мужа в сочетании с термином *кылын*. В остальных случаях зафиксированы иные термины, соотносящиеся к словам *тойон* и *хотун*, которые в номинативном значении обозначают: *тойон* – 'господин', 'владыка'; 'лицо облеченное властью', 'должностная особа', 'правитель', 'чиновник', 'князь', 'начальник' и т.д. [10, 2706]; *хотун* 'жена важного человека' [10, 3535]. Это наводит на мысль, что у народа Саха родственники мужа являются лицами особо почитаемыми, уважаемыми для невестки, являясь для нее людьми «облеченными властью», что подтверждается прошлой историей якутского народа: молодая невестка, переезжая жить к роду мужа, не обладала большими правами и должна была подчиняться мужу, и соответственно его родне. Исследование термина *кылын* приводит нас к предположению, что якутский язык мог отделиться от других тюркских языков примерно в тот момент, когда началось преобразование термина *кылын* от родства жены до обобщенного термина родства по свойству. К сожалению, в источниках не датирован период времени, указывающий на

начало преобразования общетюркского термина в свой конечный вариант, которое могло бы послужить опорой для точки отсчета отделения предка якутского языка от тюркских языков.

Фонетические облики отдельных терминов родства якутского языка представляют собой также наиболее архаичные варианты. К примеру, наиболее ранний вариант термина *таай* восходит к *тага/тагай*. Как пишет Л.А. Покровская, дальнейшее фонетическое развитие этого термина могло пойти по линии выпадения *г* в интервокальной позиции и стяжения гласных, между которыми он находился. В результате гласный *а* стал долгим [8, 49]. Следы такого стяжения и отобразились в современном варианте якутского термина *таай*. Такое изменение слова является первой ступенью развития данного термина. В других тюркских языках, произошло дальнейшее структурное развитие термина: *таай* > *даай-дайын-дайы*.

Многие термины родства и свойства якутского языка изменили общетюркское значение. Одна из важнейших признаков их отличия от тюркской системы обусловлена социально-экономической спецификой якутской семьи в условиях крайнего Севера. В силу чего многие термины, относящиеся к тюркскому пласту, не только изменили свои исконные лексико-семантические варианты и фонетические структуры, но и приобрели новые, не встречающиеся в тюркских языках значения, а также появилась потребность в использовании новых терминов родства. К примеру, для наименований сиблингов (родных братьев и сестер), двоюродных родственников и детей сиблингов (племянников) в якутском языке существуют единые термины: *убай* 'старшие родственники мужского пола', *быраат* 'младшие родственники мужского пола', *эдьиий* 'старшие родственники женского пола', *балыс/балты* 'младшие родственники женского пола'. Причиной тому, скорее всего, послужила специфика старинной якутской семьи *дьуккаахтаһан олоруу* (соединенные семьи в целях более благополучной, обеспеченной и надежной

жизни - большое количество рабочих рук считалось одним из решающих факторов семейного благополучия), где определенная генетическая связь каждого ребенка с его родителями не имела особого значения. Все дети друг для друга были братьями и сестрами, безразлично родные или нет, что объясняется результатом совместного и одинакового воспитания своих детей всем родом, о чем писал В.Л. Серошевский в труде «Якуты» [9, 543].

Отклонения от общетюркских терминов встречается и в терминах обозначающих отношения супругов сиблингов. В тюркских языках эта категория представлена термином *бажа/бажа*, который в некоторых тюркских языках означает мужа свояченицы. В алтайских языках *бадья* объединяет в себе два значения: 1) 'свояк'; 2) 'жены братьев'.

В якутском языке данную категорию представляют три термина: *бадья* 'младшая невестка по отношению к старшей'; *бэргэн* 'старшая невестка по отношению к младшей'; *биллэх* 'свояк', 'мужья сестер по отношению друг к другу'. В данном случае женский пол разграничен по старшинству, чего не наблюдается у представителей мужского пола. Скорее всего, это можно также объяснить тем фактом, что в старину якуты жили большими семьями, которые объединяли как родителей, так и братьев со своими семьями. Соответственно, одна семья могла объединять семьи родных братьев, где отношения между женами братьев строились по принципу старшинства – старшая *бэргэн* имела больше прав, нежели младшая *бадья*. Отношения же мужей сестер, судя по всему, не требовали такого разграничения, так как сестры выходя замуж, присоединялись к разным семьям. Мужья сестер, являясь друг к другу родственниками по свойству, обозначали друг друга термином *биллэх*, что как предполагает Э.К. Пекарский, возник от слова *бил* 'знать' [10, 469], т.е. не имели друг перед другом никаких обязательств, а просто знали, что являются свояками.

В соответствии с тюркским термином *йеген*, якутский вариант *сиэн* изначально принадлежал к классификационной системе родства по женской линии и обозначал племянника/племянницу или внука/внучку по женской линии, т.е. детей сестры или дочери и их потомство. В современном якутском языке *сиэн* употребляется не только в значении 'внук' по женской линии, этим термином обозначаются вообще все внуки, т.е. произошло семантическое развитие термина *сиэн* в сторону расширения специализированного значения: внук по женской линии > внук вообще, что встречается и в других тюркских языках [8, 52]. Значение 'племянник/племянница' в якутском языке не получила развития в силу того, что в данном значении термин был вытеснен вышеописанными терминами: *убай* 'старшие родственники мужского пола', *быраат* 'младшие родственники мужского пола', *эдьий* 'старшие родственники женского пола', *балыс/балты* 'младшие родственники женского пола'. В этой связи интересными представляются значения терминов *убай*, *эдьий*. Эти лексемы подразумевают старшего родственника. Племянник в генеалогическом древе стоит ниже, следовательно, человек, относящийся к данной категории родства должен быть младшим родственником. Однако, если учесть тот факт, что раньше для якутских женщин периодом деторождения считался промежуток времени примерно от 14 до 50 лет, то называть племянника термином *убай*, *эдьий* оказывается приемлемым. Например, если женщина родила в 1900 г. сына, у нее в 1918 г. мог появиться внук от ее сына. А если в 1919 г., предположительно она родила еще одного сына, то получится, что племянник мог родиться раньше своего дяди.

Якутский язык не только сохранил в общих чертах те термины родства, которые относятся к общетюркскому лексическому фонду, но и вобрал в себя некоторое количество иноязычных терминов родства. Относительно большее количество терминов родства представлены монгольскими заимствованиями.

Н.К. Антонов в работе «Материалы по исторической лексике якутского языка» предполагает, что «...в обществе древних якутов с родовым строем богатую, господствовавшую прослойку населения составляли тюркоязычные племена, а бедная, трудящаяся, подчиненная сторона была преимущественно монголоязычной», которые внесли в якутский язык монгольские слова о бедных слоях населения, в том числе и термины родства и свойства, относящиеся к женской половине второстепенных жен, челяди: *кэргэн* ‘брачный партнер без различия пола эго’, *дьахтар* ‘жена’, *сүтүөр* в сочетании с другим термином родства представляет собой термин приобретенного родства, *одьулуун* ‘вдова, вдовец’, *дьасыырка* ‘младшая жена’, *күрэ* ‘младшая свояченица’ [1, 118-120]. Кроме того, терминами монгольского происхождения являются: *эдьий* ‘старшая сестра, старшая родственница’, *сиэнчэр* многозначный термин родства, обозначающий родственников по прямой и боковой линии четвертой и пятой степени родства младше эго, *сыган* ‘дети сиблингов, двоюродный родственник’, ‘троюродный родственник’, *сыганчар* ‘троюродный родственник’, *өбүгэ* - предки мужского пола по отцовской линии, начиная с четвертого поколения и выше, не считая эго, *бэргэн* ‘старшая невестка по отношению к младшей’, *эмээхин* ‘жена’.

Как известно, на территории Якутии проживают эвены, эвенки и юкагиры. Языки этих народов не могли не повлиять на якутский язык, что прослеживается и в терминологии родства и свойства. Исследуемый пласт лексики содержит заимствования из тунгусо-маньчжурских языков в основном диалектологического характера, которые не относятся к литературному якутскому языку. Эти диалектные термины родства и свойства представляют собой своего рода местные дополнения к словарному составу якутского языка. Большое количество этих заимствований наблюдается у северных улусов, где якутский язык, скорее всего, подвергся определенному влиянию тунгусо-маньчжурских языков. Из эвенкийского языка в якутский язык вошли такие

термины как *аачы* ‘дядя по линии отца и матери’, *аһараан* ‘отчим’, *инэрээн* ‘мачеха’, *наамын* ‘вдова, вдовец’.

Влияние русского языка на якутский язык началось с первой половины XVII века, т.е. в сравнительно позднее время. Вследствие чего заимствования из русского языка в системе терминов родства и свойства представляют собой в основном дублиеты и синонимы к существующим якутским словам. Это слова *быраат*, *браатньык* ‘младший брат’ (наряду с якутским термином *ини*), *ньээнэ* ‘старшая сестра’ (*эдьийи*, *аҕас*), *чээчэ/тээтэ* ‘отец’ (*аҕа*), *маачаха* ‘мачеха’ (*одьолуун*, *сүтүөр*, *кииринньэң*), *эпэкиин* ‘мачеха’ (*көрөөччү-истээччи*), *огдуба/обдуба* ‘вдова’ (*тулаайах*), *сыбаат* ‘сват’ (*түңүр*). Следует отметить, что в современном узусе якутоязычного населения некоторые якутские термины родства заменяются заимствованиями из русского языка: вместо якутских терминов родства употребляются русские термины родства, как например *мама*, *папа*, *тетя*, *дядя*, *двоюродный* и т.д., что может вести к постепенному увеличению числа заимствований из русского языка в этой сфере якутской лексики.

Кроме того, в системе элементарных терминов родства и свойства выделился слой собственно якутских образований: *биллэх* ‘свояк’ (от *бил* ‘знать’); *иитийэх* ‘приемный’ (от *иит* ‘воспитывать’); *төрөппүт* ‘родитель’ (от *төрөө* ‘родить’). Некоторые термины, образуя производные варианты от существительных якутского языка, не имеют структурных аналогов в сфере родства других тюркских языков: *тойон* ‘свекр’ (производный вариант от *тойон* ‘господин, владыка’); *хотун* ‘свекровь’ (производный вариант от *хотун* ‘хозяйка’, ‘жена хозяина’, ‘госпожа’); *ойох* ‘жена’ (< тюркская форма *оҕык* ‘проколотый, продырявленный, дыра’), Э.К. Пекарский отмечает, что *ойох* является бранным якутским выражением по отношению к женщине [10, 1804]; *оһонньор* ‘муж’ (употребляется в притяжательной форме, производный вариант от *оһонньор* ‘старик’); *эмээхсин* ‘жена’ (< тюрк. *эмэгэн*, производное вариант от *эмээхсин* ‘старая’, ‘престарелая женщина’).

Таким образом, в составе элементарных терминов родства и свойства якутского языка выделяются следующие слои исконной и заимствованной лексики: термины заимствованные из монгольских языков составляют 18 %, русского языка - 8 %, тунгусо-маньчжурских языков – 5%. Собственно якутские образования составляют 11%. В основной массе элементарные термины родства и свойства, хотя и с заметными семантико-фонетическими отклонениями, представлены элементами тюркского происхождения – 44 %. Кроме того, в числе элементарных терминов зафиксированы некоторые диалектные варианты, происхождения которых нам неизвестны (*махата* ‘мать’; *илгэх, хабды, сэмнэһэ* ‘сын’; *эмгэн* ‘бабушка’; *эчээ, эчээкэ* ‘дед’; *дьуорту* ‘брат, сестра, сородич’; *көс* ‘жена’). Они составляют 8 % из числа исследуемого пласта лексики. Можно лишь предположить, что форма *эчээ* имеет параллель с эвенкским *этэ* [этэ:] ‘дедушка’, ‘старший брат отца’, ‘старший брат матери’, в виду того, что в якутском языке возможна модификация *t > ч* (*тээтэ > чээчэ*), форма *эчээкэ* – уменьшительно-ласкательный вариант от *эчээ*. *Илгэх* как термин родства является производным вариантом от значения ‘самец’ [10, 919]. *Көс* ‘жена’ может быть производным вариантом от слова *көс* ‘переменять местожительство, перемещаться, кочевать’ < тюрк. *көч* [10, 1171], в виду того, что якутские женщины переезжали жить к семье мужа, и соответственно, являлись пришлыми из другой семьи.

Следовательно, надо констатировать, что система терминов родства и свойства якутского языка носит первичный архаичный характер. Следует также отметить, что некоторые термины тюркского происхождения и исконно якутские термины родства и свойства в разговорной речи перестают употребляться и обнаруживают признаки пассивной лексики. Это проявляется, в частности, в замене элементарных терминов описательными (образованные комбинацией нескольких элементарных или составных терминов родства, в котором постпозитивный компонент

оформлен аффиксом принадлежности – изафетные модели), а так же заменой данных терминов заимствованиями из русского языка.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутский госуниверситет, 1971. 174 с.
2. Бетлингк О.Н. О языке якутов/ Пер. В.И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
3. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 149 с.
4. Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
5. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
6. Опыт словаря тюркских наречий Т.1/ В.В.Радлов. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 1914 стлб.
7. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.
8. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков: Сборник статей; АН СССР, М., 1961. С. 11-81.
9. Серошевский В.С. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. 736 с.
10. Словарь якутского языка/ Э.К. Пекарский. 3-е изд. С-Пб.: Наука, 2008. 3858 стлб.